Глава 240

Некоторое время они сидели в тишине.

Хаджар смотрел на Атикуса, а тот вглядывался куда-то только в ему ведомые глубины собственного разума.

- Я не слагаю с себя вины за содеянное, мой принц, - наконец произнес бывший генерал. - но и просить прощения - не стану. Хавер бы уничтожил эту страну. Может не сразу. Может через век или через полтора, но его политика привела бы к нашему исчезновению.

- И это был повод его убить? Предать друга? Обречь мою мать на смерть, а меня на участь калеки и раба?!

Атикус вздохнул и залпом осушил кувшин.

- Друга - нет. Мать - нет. Короля и королеву - да. Несмотря ни на что, Примус сделал наше государство сильнее.

- И теперь миллионы людей трудятся в руднике на благо империи.

- И это все еще лучше, чем, когда десятки миллионов гибли на полях сражений.

- Не надо мне рассказывать о полях сражений! - Хаджар хлопнул ладонью по столу, на миг становясь похожим на собственного дядю. - я видел их своими глазами! И я знаю, что это такое.

Сожаление и грусть пропали из глаз Атикуса. На их место пришли надменность и издевка.

- И сколько раз вы, великий генерал, отправляли людей в бой? Сколько войн вы прошли? Две, три, четыре? Я воевал на протяжении полутора веков! Я пролил крови больше, чем воды есть воды в королевском саду! И все это ради чего? Чтобы пролить потом вдвое больше?! Вы ничего не видели, мой принц. Лишь тень от тени настоящей войны. Той, от которой нас избавил Примус!

- Тем, что продал страну Империи.

- Но мы все еще живы. И все еще реет флаг Лидуса над дворцом.

- Который как грязную тряпку используют Дарнасцы.

Атмосфера накалялась. Вокруг Атикуса порой вспыхивали вихри белой энергии, в то время как от ладоней Хаджара по столу расползались змеи глубоких порезов.

Хаджар поднялся. Он поднял Лунный Стебель и закрепил ножны на поясе. Подойдя к выходу из шатра, Хаджар, не оборачиваясь, спросил:

- Тогда зачем ты сейчас сражаешься с Примусом?

За спиной послышался тяжелый вздох и шуршание. Вскоре Атикус стоял рядом с тем, кого некогда любил так же сильно, как своего так и не родившегося сына.

- Чтобы вы знали, куда идти, мой принц. Чтобы мы могли сразиться.

Они вышли на улицу. С неба падали крупные хлопья снега. Они слегка кружились, ведомые в танце музыкой ветра. Шатер Атикуса стоял в центре крупного, военизированного лагеря. Посреди огромной поляны расположилось войско, по самым скромным прикидкам насчитывающее едва ли не полмиллиона человек.

Для негосударственного образования, лишенного всякой централизованной поддержки, весьма крупная цифра.

И все эти полмиллиона человек, одетых в одинаковую (откуда Атикус только её добыл) белоснежную броню, сейчас стояли во всеоружии и смотрели на своего генерала и человека, стоявшего рядом с ним.

Затем они разом припали на правое колено и с грохотом опустили кулаки на нагрудники.

Вот только услышал Хаджар совсем не то, что предполагал услышать.

- Король умер! - кричали они. - Да здравствует король!

- Король умер! Да здравствует король!

Тысячи людей салютовали вовсе не Атикусу, а… Хаджару. А тот стоял и никак не мог понять, что именно происходит.

- Я сражаюсь не против Примуса, мой принц, - голос Атикуса был вновь наполнен болью и усталостью. - а за вас.

- Да здравствует принц Хаджар! - грохнул хор из полумиллиона голосов. Голосов, готовых положить свою жизнь за освобождение страны. - Да здравствует принц Хаджар!

Хаджар повернулся к Атикусу и внезапно ему стало ясно, почему вся страна была пропитана слухами о том, что на севере собирается войско под предводительством принца. И почему это войско никогда не принимало никаких серьезных попыток войти в столицу.

Атикус никогда не собирался воевать с Примусом. Он просто ждал, пока к нему придет принц. Он звал его. Сквозь года и сотни километров, он пустил по стране боевой клич и надеялся, что этот клич дойдет до ушей законного наследника трона.

Ибо сам Атикус не считал, что имеет право решать дальнейшую судьбу государства. Чего уж там, он уже вообще не верил, что судьбу можно решать. Навсегда его сердце ранил кинжал, так и не сумевший оборвать его собственную жизнь.

Слова феи убили в нем того решительного и могучего генерала. Они оставили лишь несчастного воина, лишенного всякого направления в своем подобии жизни.

- Это ничего не меняет, Атикус, - Хадажр отвернулся от людей и обнажил клинок.

Сверкнуло лезвие Лунного Лезвия. Едва ли не молнией стальной свет пролился по поляне, рассекая мириады снежинок и поднимая вокруг густой буран. Когда все успокоилось, с поляны пропали двое.

Полмиллиона людей вглядывались в глубь леса. Они прекрасно знали, что где-то там кипит жаркая битва между Несчастным и Безумным Генералами. Они не желали смерти Атикусу,

собравшему их здесь, подарившему надежду, обучившему и вселившему жажду свободы в их сердца.

Но они верили в победу их принца. В победу того, кто поведет их за собой. Кто, наконец, подарит им выполнения их кровных клятв, принесенных в этом вечно холодном лесу.

***

Они стояли посреди высокого, но не густого бора.

- Не думаю, что для морального духа армии будет полезна сцена битва старого и нового предводителя, - прокомментировал Атикус.

- Согласен, - кивнул Хаджар.

Его рука была спокойна. Меч не дрожал. Чего не скажешь о ярких, синих глазах. В них плясала ярость, сравнимая разве что с гневом Хозяина Небес, чей тысячелетний покой потревожили глупые и жадные смертные.

Один из тех, кто был напрямую ответственен за смерть его родителей стоял перед Хаджаром. И какие бы слова он не говорил, как бы истории не рассказывал, но даже если сюда спустятся боги и мириады фей попытаются остановить Лунный Стебель - Атикус умрет.

- Я не собираюсь сдерживаться, мой принц, - Атикус обнажил свой меч.

От этого простого движения согнулись мощные стволы ближайших деревьев. От ног бывшего генерала, обнажая промерзшую землю, разошлись метровые волны снега.

Теперь перед Хаджаром стоял не сухой старик, лишенный всякой воли продолжать бесконечную борьбу за место под Бескрайним Небом. Нет. Это был тот самый, легендарный генерал из далекого детства.

Тот, чьего клинка боялись все воины окрестных королевств. Тот, чьей образ был идолом для маленького принца, пытавшего понять - куда направлен его собственный путь.

- Я был бы сильно разочарован, будь это иначе.

Они стояли и смотрели друг на друга. Мир успокоился. Снег вновь свободно падал на их плечи. Скрипели кроны деревьев. Где-то далеко выли волки, приветствия скорое наступление ночи. А где-то вокруг, спрятанные от взглядов, за начинающимся сражением следили Снежные Люди. Те, кого боги поставили в роли судей над судьбами двух людей.

От первого же обмена ударов даже самые опасные звери этого леса решили попрятаться по норам. И не потому, что боялись пасть жертвами отголосков далекого сражения. Просто даже они не могли вытерпеть той ярости, что была заключена в одном клинке, и той отчаянной, самоубийственной решительности, что звенела во втором.